

Интервью с Анной Семеновной ГОТЛИБ

«МОЯ ПОТРЕБНОСТЬ РАССКАЗАТЬ “СВОЮ ИСТОРИЮ” СЧАСТЛИВО СОВПАЛА С ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИМ ИНТЕРЕСОМ К АВТОЭТНОГРАФИИ»

Готлиб А. С. – окончила Куйбышевский Политехнический институт, доктор социологических наук, профессор заведующая кафедрой методологии социологических и маркетинговых исследований Самарского государственного университета. Основные области исследований: качественная методология социологического исследования, проблемы социальной адаптации, социологический анализ проекта нарративной медицины. Интервью состоялось в 2011-2012 гг.

Серия моих электронных бесед с представителями третьего поколения советских / российских социологов – самая наполненная; одна из них – с Анной Семеновной Готлиб. Прежде всего, это конечно же уникальная человеческая история, повествование о жизни, вхождении в науку, о многолетней исследовательской и преподавательской деятельности. Но одновременно, это – удивительный рассказ о поколении, время рождения которого заключено в интервале 1935 – 1946 гг. Кто-то скажет, что ничего неожиданного здесь нет, так и должно быть. Однако все не столь очевидно; подобное возможно, лишь если поколения социологов как некие подструктуры нашего профессионального сообщества действительно существуют. Получается, что они есть. А это значит, что в науке есть взгляд на окружающий мир, энергия, дух поколений, которые присутствуют в исследованиях и гражданских позициях этих когортных образований и выражаются его представителями. Интервью с Анной Готлиб позволяет это почувствовать.

Готлиб А. С. : «Моя потребность рассказать “свою историю” счастливо совпала с исследовательским интересом к автоэтнографии»¹

Аня, ты первая из моих собеседников, имеющих опыт написания и анализа автобиографии [1]. Я имею в виду соответствующий раздел твоей книги по качественной социологии. Трудно сказать, как это скажется в нашем интервью, но несомненно как-то проявится. Что тебя тогда, почти десять лет назад, «подвигнуло» на рассмотрение прожитого? Нечастый жанр в научной книге...

Во-первых, конечно, интерес к качественной методологии: трудно представить себе ее сегодня без того, что я называю автоэтнографией (возможны и другие названия этой исследовательской практики: в русском переводе это звучит как автонарратив, самоистория, само-наблюдение, побуждающий нарратив, исповедальный рассказ и т. д.). Дело в том, что, читая прежде всего американские источники- этнографические журналы, я натолкнулась на такого рода тексты социологов, когда их собственный опыт проживания (переживания) того или иного фрагмента жизни, рассказанный ими «изнутри жизни» - наивно, с позиции «простого человека», становился одновременно и объектом их анализа, который всегда, (если он – анализ) должен быть отстраненным, взглядом извне. Это был неожиданно и потрясающе интересно. К этому времени я занималась изучением процесса социальной адаптации россиян к кардинально меняющейся российской действительности, и это было для меня очень важно не только в исследовательском плане, но и в личностном: в моем «ближнем круге» я видела как успешных, энергичных и оптимистичных людей, так и отчаявшихся, обзленных, не знающих что делать в этой новой жизни. Мне хотелось разобраться, почему эта «революция сверху», реально начавшаяся где-то в начале 90-х, так разметала людей, хорошо мне знакомых, «закинув» их в разные социальные слои, хотелось результатами исследования подтвердить мысль Сартра, так мне понравившуюся, что я сделала ее эпиграфом к одной из глав моей книги: «Главное не то, что сделали из человека, а то, что он делает из того, что из него сделали». В рамках моего подхода к адаптации вторичная занятость была очень распространенной адаптационной стратегией. И это была стратегия людей моего социального слоя: врачей, преподавателей, работников культуры, бюджетников одним словом, враз обнищавших людей, «новых бедных», хотя богатыми они никогда, конечно, не были. Тогда я и решила «попробовать» автоэтнографию на себе как типичном представителе этой группы. То есть, рассказала о своем опыте вторичной занятости, чтобы потом его самой же и проанализировать. Конечно, рассказ о себе можно создавать разными путями: вести Дневник, куда желательно систематично записывать свои впечатления, раздумия, опасения, радости. Наверное, это самый лучший путь для исследователя: ничего не пропадает, все идет в дело. Но я выбрала более легкий вариант - взяла у самой себя нарративное (точнее лейтмотивное) интервью, закрылась в комнате и начала рассказывать на диктофон, как и положено, начиная свой рассказ с детства. Потом в полном соответствии с требованиями этого типа интервью я сделала транскрипт своего разговора с собой. Конечно, я могла бы сразу записать свой нарратив на компьютере, что несомненно сэкономило бы мне время. Но я боялась, что письменная речь у меня, много пишущего человека, сама по себе произвольно спрямит, сгладит, отольет в грамматически верные словесные формы спонтанность устного рассказа, не даст проявиться эмоциональному ряду, точнее схватывающему опыт переживания человеком своей жизни.

Была и еще одна причина обращения к опыту своей жизни, скорее

¹ - Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2012. № 4. С. 2-12.

экзистенциального плана. Мне это трудно объяснить, но с некоторых пор во мне бродило, искало выхода какое-то очень сильное желание рассказать о своей жизни хоть кому-то. И в первую очередь своей дочери, которая, живя рядом, в вечной своей спешке и жизненной суете так и не удосужилась, как мне казалось тогда, ничего узнать обо мне. В полном соответствии с выводами этнометодологов, полагающих, что именно воображаемые другие задают то, *что* рассказывается и то, *как* рассказывается, я наговаривала свой текст на диктофон именно для нее, стремясь быть понятой ею прежде всего. Вообще в этом непреодолимом желании рассказать историю своей жизни «городу и миру» есть какая-то тайна, сплетение разнородного. Возможно, это попытка подведения каких-то итогов, которая настаивает нас в определенном возрасте. Может быть, это поиск оправдания своей жизни, зачем-то без нашего разрешения данной нам, и катящейся известно куда. Может быть, это стремление песчинки оставить хоть какой-то след в истории. Трудно сказать. Мы не знаем, что подвигло теперь уже знаменитую (после Н.Н. Козловой) полуграмотную крестьянку Киселеву написать о своей жизни несколько толстых тетрадок и послать их на Мосфильм, чтобы там по ее жизни сняли кино («Я так хочу назвать кино»). Во всяком случае, моя потребность рассказать «свою историю» счастливо совпала с исследовательским интересом к автоэтнографии. Вот так все и вышло.

.... Как ты думаешь, то обстоятельство, что ты концентрированно размышляла о своем прошлом-настоящем и даже описала кое-что, поможет тебе в новом рассказе о себе или будет как-то сдерживать, ограничивать тебя?

Я думаю ни то, и ни другое. Мы же все-таки меняемся, поэтому я думаю рассказ о себе из 2012 года, конечно, будет отличаться от рассказа из 2004 года. И дело не только в принципиально разных социальных контекстах этих периодов российской жизни, на которые мы не можем не реагировать. Меняемся и мы сами: что-то утрачиваем, что-то приобретаем, какое-то новое нас вдохновляет, а что-то совсем выбивает из колеи, обрастаем новыми дружбами и теряем старых друзей...

На протяжении нескольких месяцев я изучаю генеалогию нашего профессионального сообщества, получается весьма интересно. Короткие семейные истории и уходящие в XVIII век, внешне простые и просто для исторических романов.. отражение всех событий, протекавших в России-СССР-России и соседних стран.. пожалуйста, расскажи о твоей родительской семье.

Я родилась в сентябре 1945 года, как я говорю всегда — после войны, потому что война в нашей семье сыграла, как, впрочем, и в миллионах других семей, ключевую роль. Родилась я, и я об этом уже говорила, в маленьком туркменском городке на севере Туркмении — Ташаузе. Мама оказалась там в эвакуации - она жила в Бессарабии, воспетой Пушкиным, и проклятой богом — много раз этот благодатный край, в котором в любви и согласии жили русские, евреи, немцы, румыны, цыгане, менял свое подданство, входя то в состав Румынии, то - царской России. В 40 году в Бессарабию пришла советская власть со всеми ее страшными атрибутами - арестами, высылкой состоятельных людей, страхом, а в 41 — ее уже бомбили немцы. Моя будущая мама со своими родителями бежала на подводах под бомбами сквозь всю Россию, как и тысячи других эвакуированных, пока по распределению не попала в Ташауз (от Небит-Дага по Каспийскому морю в глубь Туркмении).

Сама она была из зажиточной крестьянской семьи- ее отец выращивал овец, делал брынзу и продавал ее в Румынию. Незадолго до начала войны в суровую зиму пропали овцы, и они обеднели страшно, поэтому моя мама не получила высшего образования (а два ее брата закончили университеты в Румынии и Чехословакии). Но мама прекрасно училась в румынской гимназии и потому кроме русского и еврейского знала хорошо французский и румынский — много лет спустя она легко

переводила мне с румынского письма, которые я получала от румынской девочки – тогда такая переписка, если ты помнишь, была очень популярна. Необходимость содержать семью и быть ее опорой заставила ее вышивать, вязать на продажу – во время войны ей это пригодится: в Ташаузе, в эвакуации она будет возглавлять цех, где вязали вещи для фронта. В России, в Куйбышеве, она закончит какие-то быстрые курсы и всю жизнь будет работать экономистом. Одно время в Ташаузе (во время ее второго приезда – к отцу) она работала даже главным экономистом кондитерской фабрики, довольно крупного для нашего маленького городка предприятия. Но стараться всю практическую часть жизни семьи брать на себя, служить семье беззаветно, забывая себя, ничего не требуя взамен, – это качество останется у нее до самого конца ее долгой жизни: мама умерла в возрасте 95 лет в Самаре.

Мой отец родился в Литве в местечке Алитас, расположенном между Вильнюсом и Каунасом, в местечке, сегодня известном в Литве как месте массовых расстрелов литовских евреев и евреев Восточной Европы ранней осенью 1941 года. Сегодня на месте этих расстрелов стоит потрясающий памятник – огромный могоендовид (звезда Давида), элементы которого изломаны, как и человеческие судьбы погребенных людей. В этой братской могиле лежат и мои бабушка с дедушкой (родители отца), и мои две тети (сестры моего отца – тогда молодые девушки, приехавшие летом 41-го к родителям на каникулы из Одессы, где они учились в университете).

Отец – из зажиточной крестьянской многодетной семье, включающей четырех братьев и двух сестер, блестяще учился в Виленской гимназии, много читал – в доме была прекрасная библиотека, ему прочили карьеру профессора литературы – он был старшим сыном в семье. Но в 16 лет, увлекшись революционными идеями, он уезжает в Россию, чтобы в 18 лет вступить в члены РСДРП, стать комиссаром, воевать на гражданской, быть руководителем подполья в Бобруйске, занятом белополяками. После гражданской войны отец работает в Кремле (Наркомат иностранных дел – юридический отдел), женится, получает от власти, которую защищал, многие блага – прекрасную квартиру, государственную дачу. В 1933 году у него рождается сын, мой сводный брат.

В 1937 русская революция, как и любая революция, как водится, начинает «пожирать своих детей». Отец (пока будущий) обвиняется в троцкизме и высылается из Москвы в Ташауз – в тьмутаракань туркменскую. Жена, кандидат медицинских наук, очень образованная женщина (я с ней познакомилась в 1963 году, и она мне понравилась, отец тогда повез меня показать Москву, которую очень любил) отказалась ехать в Ташауз – как она сможет там заниматься наукой. Отец ждал ее 7 лет, и в 1944 году он женился на моей будущей маме. Он старше мамы на 18 лет, мама его боится даже первое время, но он опытный, знающий порядки этой чужой и дикой страны, в которой она с родителями оказалась. Он ей поможет выжить. Особой любви не было, рассказывала мама, да и зачем она, когда все кругом рушится, и одни только смерти. Папа работает юристом в организациях – систематического юридического образования у него не было, тоже видимо, какие-то курсы, но он очень грамотный, читающий человек, собирает библиотеку. Когда мне стукнуло 2,5 года, его арестовывают (1947 год) (Спасск-Карагандинской области – особый политический лагерь). Это была вторая волна репрессий, и в нее в первую очередь попадали бывшие ссыльные, если находились те, кто готов «стучать», чтобы хорошо жить или просто выжить – все – таки был суд, и на суде были свидетели: советская власть любила соблюдать формальности. И такие находились: предательство, стукачество всегда было опорой этой власти. Отцу дали минимальный срок, по 58 статье возможный, – 7 лет: его судили те, кто был знаком с ним профессионально, уважал его профессионализм, но ничего сделать не мог. «Проявил острую ненависть к вождю народа – Иосифу Сталину» – формулировка его обвинения. Я ее знаю из документа о реабилитации, который он получил в 1960 году,

он хранится у меня: отец был реабилитирован со стандартной для таких документов формулировкой: «за отсутствием состава преступления». Так идея – иллюзия, идея-фантом, одновременно притягательная и принципиально недостижимая, фактически сломала жизнь моего отца, единственную и уникальную, как у каждого человека. Уже в Ташаузе, после реабилитации, начинающий сомневаться, но еще не расставшийся с этой иллюзией окончательно, он говорил мне, что лучше бы он стал профессором литературы, чем пошел тогда мальчишкой в революцию. В целом, «красное колесо» политического террора прокатилось по нашей семье основательно: еще один его брат, самый младший, никогда не занимавшийся политикой, весельчак, известный в Москве биллиардист, позже главный инженер Днепропетровского металлургического завода, в 1937 году был расстрелян, в 1958 – реабилитирован. Два других брата отца, спасаясь от антисемитизма в Литве и принципиально не принимая русскую революцию, спокойно уехали в Америку, достигли там разной степени благополучия, родили умных дочерей, моих двоюродных сестер, которых я чудом нашла всего несколько лет тому назад: и они были у меня в России, в гостях, потом мы с дочерью были у них, все плакали, без конца говорили и были счастливы.

После ареста отца маму со мной забирает из Ташауза ее старший брат, мы живем все эти 7 лет вместе в Куйбышеве, мама работает экономистом в цехе крупного куйбышевского завода, я хожу в заводской садик, где очень хорошо кормят, вывозят детей на все лето на отдых: для нее, рассказывала мама, еле сводящей концы с концами, это было очень важно. У мамы другая фамилия: отец предусмотрительно не разрешил ей поменять фамилию на Готлиб, и никто не знает, что отец сидит в тюрьме. Для всех существует легенда – маму бросил муж. В 1954 году, (я уже учусь в третьем классе) его выпускают после полного срока в тюрьме и разрешают жить опять только в Ташаузе. Мама возвращается к нему – у ребенка должен быть отец. Помню отца в длинной почти до ступней старой шинели, высокого, худого, встречающего нас в Чарджоу: в Ташауз тогда еще не ходили поезда. Помню, как он заплакал, потом подхватил наши чемоданы – родственники и мамыны близкие друзья надавали нам всего на первый случай: «известно ведь, откуда приехал», и мы поехали домой.

Дальше – мои самые чудесные годы жизни с отцом, всегда в поле литературы: книги, чтение были самой главной страстью его жизни. Он всегда бормотал стихи, которых знал очень много, в доме выписывались и брались из библиотеки толстые литературные журналы, собиралась прекрасная библиотека, в Ташауз часто приезжали ашхабадские писатели, все бывали в нашем доме. Отец дружил с диссидентами, высланными в Ташауз после известных венгерских событий. Мама угощала всех неизменным кексом, естественно, собственного производства, абрикосовым вареньем, она вообще прекрасно готовила, и... разговоры, разговоры, разговоры, и я всегда среди взрослых, их мнений и оценок. Сейчас я понимаю, что такого накала интеллектуальной жизни, вплетенной в повседневность, растворенной в ней, у меня не было больше никогда: с уходом отца в 1974 году – все кончилось.

Я любила учиться, училась хорошо, помогала учиться моим одноклассникам, маленькая наша комнатка всегда была полна народу, я всегда что-то объясняла, меня вечно за кем-то закрепляли: была в советское время такая форма пионерской работы, между прочим, очень хорошая. В школе я была активисткой: в пионерских лагерях, куда родители отправляли меня на 2-3 смены, я часто бывала председателем совета отряда, председателем совета дружины, в старших классах несколько лет была секретарем комсомольской организации школы. Мне это мое последнее занятие очень нравилось: мы все сами организовывали: наш умница директор школы, Степан Федорович Лопатиев, фронтовик, пришедший с войны без руки, нам полностью доверял. Мы организовывали вечера, конкурсы, я писала сценарии, часто была ведущей, в общем и целом, моя школьная жизнь кипела и... я очень любила свою школу. Параллельно

я окончила музыкальную школу, после выпускного концерта практически единственная из выпускников школы получила направление в Ашхабадское музыкальное училище, но не поехала туда: не хотела расставаться с родителями, да и, честно говоря, не чувствовала за собой особых музыкальных способностей, не хотела, чтобы музыка стала делом моей жизни.

Кроме того, я еще успевала заниматься баскетболом, даже несколько раз выступала за баскетбольную команду школьников нашего города на республиканских соревнованиях в Ашхабаде. В общем, повторяюсь, школа у меня была замечательная: много было ссыльных преподавателей из Москвы, Ленинграда, учили нас на совесть, доверяя и уважая нас, что для нас было, наверное, самым главным.

Так, школа окончена... из рассказанного тобою очевидно следует, что особого выбора для продолжения образования у тебя не было. Возможно, ты этого не понимала, к счастью... но что советовали тебе родители и как ты поступила?

Я окончила 11 классов, как было тогда реформой Хрущева принято: нам пытались дать какую-то рабочую профессию. В течение трех лет, начиная с девятого класса, два дня в неделю я была то лаборантом на местном пивзаводе, то лаборантом на маслозаводе, то осваивала премудрости шитья почему-то пальто (попроще ничего не нашли) на местной швейной фабрике. Естественно мы ничего не выбирали, куда школа пристроит, то и будете делать – был основной императив. Для нас это была такая «развлекуха», говоря сленгом современных молодых, потому что всерьез на предприятиях к нам никто не относился. Скорее это была такая игра в трудовое воспитание, над которой все посмеивались, но одновременно и участвовали в ней.

В год окончания школы, это был 1963 год, я поступила в Куйбышевский политехнический институт на электротехнический факультет, поступила совершенно не осознавая, куда и зачем я иду – любая техника от меня, нас сквозь литературной девочки, была очень далека. Конечно, я хотела изучать литературу и только ее: в школе я очень хорошо писала сочинения, особенно на свободную тему, нередко наша учительница по литературе относила их в «Ташаузскую Правду», единственную газету, выходящую в моем городе на русском языке, где их печатали как очерки: у меня сохранилась целая подборка таких сочинений – статей. Но советский государственный антисемитизм не дал возможности осуществиться этой моей мечте: отец в своей любимой Москве от друзей узнал, что юношам и девушкам с пресловутым «пятым пунктом» практически невозможно попасть на филологический факультет МГУ, куда я и собиралась поступать. И я поверила отцу. Поэтому и оказалась поступавшей и в Куйбышевский Политехнический. Конечно, этот выбор не был осознанным выбором профессии: выросшая в семье гуманитария, который как известный герой Джерома К. Джерома, не мог гвоздя забить, я понятия не имела о том, что такое электротехника, кем вообще можно работать, окончив электротехнический факультет. С другой стороны, 60-е годы были годами «физиков в почете», политехнические вузы привлекали огромные толпы абитуриентов, в них очень трудно было поступить, были огромные конкурсы. И для меня, провинциальной девочки, поступление в Куйбышевский Политех стало способом проверки себя, неким тестом на «слабо». Я хотела доказать себе и всем в своем маленьком городе, что я, практически первая ученица школы, смогу поступить в тяжелый и одновременно престижный вуз. И я поступила. Я помню, радости особой не было, тем более, что по любимой моей литературе (сочинению) я получила четверку, что меня очень и очень расстроило. Родители мои были счастливы: дочь получит высшее образование, над моими «страданиями» посмеивались. Начиналась новая жизнь: вдали от родителей, их всемерной поддержки и участия во всех моих делах.

Чем запомнились студенческие годы?

В Политехническом любимые предметы, конечно, были гуманитарные: английский, философия, история. Но и по основным предметам я училась хорошо, хотя и не пылала к ним особой любовью. А предметы были сумасшедше тяжелые: сопромат, теоретическая механика, теоретические основы электротехники... Формулы начинались на одном конце Доски, шли в 2-3 ряда сквозь всю Доску, и только потом заканчивались. Но я, как шахтер к каменоломне, уж позволю себе такое сравнение, упорно пробивалась сквозь них. Сейчас я понимаю, что в то время основным мотивом моей учебы было стремление доказать, что я смогу, я осилю, я подниму эту непосильную ношу. Прежде всего, наверное, работал «комплекс отличницы», привыкшей все делать наилучшим образом. Да и представить себе не могла, как я вернусь домой без высшего образования (угроза вылететь из вуза в то время была реальной): родители мои были уже немолодыми людьми, надо было рассчитывать на себя. Да и в студенческой нашей группе, к счастью или несчастью, уж и не знаю, сложились «правильные» нормы: учиться хорошо было престижно. В общем, окончила я институт с отличием, хотя уже со второго курса поняла, что техника — это не мое дело.

Спас меня от полной безнадёги — Дискуссионный клуб, который начинался как литературный: «гуманитарствующие» студенты, так же, как и я, неизвестно почему оказавшиеся в Политехническом, собирались вместе, в институтской библиотеке, чтобы почитать Б. Пастернака, А.Ахматову, М.Цветаеву — наших кумиров: в то время в серии «Библиотека поэта» уже вышли первые издания этих поэтов. Совсем скоро ориентированность на литературу в нашем клубе как-то сама собой сменилась интересом к социальным проблемам, и вместо споров о литературе начались неистовые споры о жизни. Не нужно забывать, что «на дворе» начиналась брежневская эпоха безвременья, застоя, приоткрывшаяся было Никитой Хрущевым дверь в сталинское прошлое, плотно закрывалась, официальный язык пропаганды убивал все живое, забивая рты и головы вязкостью неумных, но «правильных» слов. Дискуссионный клуб собирал тех, кто хотел понять, кто думал, не удовлетворяясь бесспорностью будто бы прописных истин. Я входила в группу организаторов дискуссий: мы подбирали тему дискуссии, раскладывали ее на составляющие, формулировали вопросы, которые предлагались для обсуждения. Сказать, что наш Дискуссионный был популярен в Куйбышеве 60-х, это значит ничего не сказать: он стал событием в жизни города. Огромный наш конференц-зал обычно ломился от студентов: сидели даже в проходах между рядами, заполняли сцену, «висели» на окнах. Конечно, главную роль во всем этом играл наш бессменный ведущий Молевич Е.Ф., молодой заведующий кафедрой философии, тогда только-только приехавший к нам из Свердловского университета, и каким-то необъяснимым образом сумевший в короткое время «закоренелых технарей»: и руководство и студентов развернуть в сторону философии, в сторону разговоров о жизни. Мне кажется сейчас, что главной его заслугой на этих диспутах была удивительная способность не пророчествовать, не выдавать «на гора» законченные, не подлежащие сомнению истины, а напротив, «ставить под вопрос» будто бы известные вещи, приглашать студентов к такому «вопрошанию», используя излюбленный термин философов. Поражали его уважительное отношение к мнениям студентов, в том числе и бреду, который мы нередко несли, удивительная атмосфера доверия, возникавшая на диспутах и возвышавшая нас в собственных глазах. Это было очень значимо для нас, потому что за стенами конференц-зала - в аудиториях и коридорах института мы ничего такого не видели, скорее, напротив, полное отчуждение, сдобренное вечной назидательной, «распекательной» позицией взрослых. В общем, Дискуссионный клуб, наверное, был самым лучшим событием и впечатлением моей студенческой жизни. Тем более, что он познакомил меня с Евгением Фомичем, определив тем самым и мою профессиональную биографию.

Насколько я помню, все произошло не так быстро, как можно понять из сказанного тобою, какое-то время ты работала по профессии, полученной в Политехе. Что это было за время и что в том бытовании тебя не устраивало? Почему? Пыталась ли ты что-то искать?

После окончания Политехнического я попала по распределению в Свердловск (Екатеринбург), в один из крупных проектных институтов. Точнее не попала, это не совсем точное слово, а выбрала Свердловск: у меня была такая возможность на правах отличницы выбирать одной из первых. Этот город я выбрала потому, что там был университет. И был филологический факультет: я все-таки хотела осуществить свою давнюю мечту. Свердловский УралТЭП (так называлось мое новое место работы) встретил меня очень радушно: умные интеллигентные люди, всегда готовые помочь, настоящие профессионалы. Но... мне эта инженерная жизнь была совершенно не интересна, я тогда уже отчетливо осознавала, что это чужая, не моя жизнь. Спустя несколько месяцев после приезда в Свердловск я поступила на вечернее отделение филологического факультета. Для меня это была пусть маленькая, но все же победа: я хорошо сдала все положенные вступительные экзамены, хотя литературой не занималась практически пять лет. Да и с документами получилось как-то удивительно удачно: поскольку в СССР получать второе образование было нельзя, мне пришлось скрыть свой инженерный диплом и как-то убедить приемную комиссию, что я — не тунеядка, а это в Советской России, как ты понимаешь, считалось большим грехом (вспомним И.Бродского). Помог опять-таки хрущевский эксперимент (я вообще, можно сказать, жертва хрущевских экспериментов): в первые полтора года учебы в Политехническом я, как и все первокурсники, поступившие учиться сразу после окончания школы и потому не имевшие рабочего стажа, должна была работать в качестве рабочего. Мне выпало работать электромонтером 1 разряда на монтаже электрооборудования, совмещая эту работу с вечерней учебой в институте. Нас так и называли — «совмещенники». Конечно, толку от этой работы для моего включения в профессию не было никакого, а это была основная идея эксперимента, но трудовая книжка у меня появилась. Это меня, я думаю, и выручило.

Учиться на филфаке мне очень нравилось. Нравилась и сами лекции, и возвращение по ночному Свердловску в общежитие нашего института, в тесную, перегороженную узкими кроватями и шкафчиками комнату: на 20 квадратных метрах кроме меня жили еще пять девушек, молодых специалистов, возвращение в атмосферу дружбы, поддержки, искреннего интереса друг к другу. И эти ночные разговоры как продолжение услышанного в университете и не только... В общем, мое непродолжительное свердловское житье-бытье было замечательным. Через год я вернулась в Куйбышев: вышла замуж, стала работать теперь уже в куйбышевском крупном проектном институте, чертила какие-то насосные станции, и не любила эту свою инженерную работу, хотя, как и в Свердловске, люди, окружавшие меня, мне очень нравились. Я продолжала учиться заочно на филфаке, писать в перерыве, используя каждую минуту свободы, контрольные работы. До сих пор помню безумную работу по-латинскому, когда ты один на один с учебником и не у кого спросить. Много читала (филфак — это прежде всего огромное число книг, которое надо прочесть), ездила на сессии, на которые никто не отпускал, приходилось каждый раз что-то придумывать, брать дни за свой счет и т. д. Сегодня, в наше очень прагматичное время может показаться странным, что, получая второе образование на филфаке, я не представляла себе, что я буду делать с этим образованием, как я буду его использовать, кем я буду работать. Я просто не ставила перед собой эти вопросы. Меня радовал, делал счастливой сам процесс обучения. К слову сказать, я таки не закончила это образование: сказались житейские проблемы, вмешались новая профессия социолога, в которую я, что называется, окунулась с головой, перспектива обучения в социологической аспирантуре и т. д. Но за меня, вместо меня филологическое образование в Самарском

госунiversитете получил мой сын, Виталий Лехциер. Сейчас он – поэт, автор нескольких поэтических книг, и философ, тоже автор нескольких ярких монографий, профессор философии нашего университета.

В моей типологии поколений советских /русских социологов я называю поколение, к которому мы с тобою принадлежим, «призванными помогать». Поясню: многие математики были приглашены, чтобы решать проблемы обработки, шкалирования, формирования выборок, люди с языками – чтобы переводить, некоторые, чтобы порыться в прошлом.. так начинали многие в (именно) нашем поколении.. Как ты думаешь, это название распространяется на твой путь в социологию? Если «нет», то, что в твоём опыте оно не фиксирует? Если «да», то какого вида помощь ожидалась от тебя?

Нет, я не думаю, что меня можно отнести к поколению, призванному помогать, как ты это понимаешь. Я была «призвана» не математиком, не переводчиком, а именно социологом, хотя я и не очень понимала, что это слово означает.

..а как, собственно состоялся твой перехо социологию, ты искала этот вход или все – дело случая?

Я действительно ничего не знала о социологии до прихода в нее, да и приход мой в профессию был довольно случаен. Я уже работала в Куйбышеве в проектно институте, и как-то случайно на улице встретила Евгения Фомича Молевича. Он рассказал, что создает в Куйбышевском политехническом социологическую лабораторию, и пригласил меня работать. Помню, что на мой законный вопрос «А что такое «социология?», абсолютно новое для меня слово, он ответил: «Я и сам не знаю, но думаю, что это что-то очень интересное». Я тут же с радостью бросила свой проектный институт, и ... началась новая, социологическая жизнь в качестве младшего научного сотрудника этой лаборатории. Шел 1971 год. Новую неизвестную нам науку мы осваивали, можно сказать, на ходу.

Так вот, возвращаясь к концепту «призванные помогать», который ты придумал, я могу сказать так: та социология, которой мы все занимались в советское время, действительно была «заточена», как сегодня модно говорить, на помощь власти, управленцам разных уровней. Не случайно же мы писали конкретные рекомендации в конце каждого исследования. И это был канон для исследователя: без рекомендаций исследование считалось пустым, зряшным, бессмысленным. Порой кажется, что критерий практической полезности, характерный для любого научного знания в его нововременной форме, нигде не был так полно воплощен, по крайней мере формально, как в советской социологии. Другое дело, что сами управленцы в этой помощи не особенно-то и нуждались: экстенсивная плановая экономика в принципе была не заинтересована в поиске внутренних ресурсов повышения эффективности, тем более в использовании социальных ресурсов, хотя исключения, конечно, были. Прежде всего это руководители ВАЗа, где мы несколько лет работали, руководство знаменитой шоколадной фабрики «Россия». На этих предприятиях реально внедряли наши рекомендации, но все-таки это были именно исключения. Поэтому социологические исследования той поры, все эти красивые таблицы и разноцветные кривые, которые социологи в полном соответствии с господствующим количественным подходом предоставляли руководителям, рассматривались ими скорее как красивая игрушка, такая «модная штучка», которая неизвестно зачем нужна, но «надо, чтобы было». Тем более, что предприятия это не ущемляло экономически: деньги на исследования шли напрямую из Министерства, и должны были быть потрачены только на эти цели.

На помощь руководителям была рассчитана и многолетняя практика социального планирования на советских предприятиях, которой занимались социологи многие годы. Мне кажется, здесь была помощь другого рода: я бы назвала

ее сейчас имиджевой поддержкой: мы помогали руководителям выглядеть в глазах Министерств, курирующих подготовку планов социального развития на предприятиях, такими социально ориентированными, заботливыми, думающими о «простом труженике». Правда, надо сказать, что это мое сегодняшнее видение. Тогда мы действительно думали, что разрабатывая такие планы, проводя необходимые для этого исследования, обнаруживая «слабые» места в социальной организации предприятия и разрабатывая конкретные действия для их преодоления, действия, которые должны были быть обязательно выполнены (планы должны выполняться, на то они и планы), мы несомненно делаем благое дело: помогаем руководителям улучшать жизнь своих подчиненных. Все насмешливые оценки по поводу сомнительности этой затеи, которые мы не раз слышали на предприятиях от тех людей: специалистов, начальников отделов, линейных руководителей, с которыми нам приходилось работать, разрабатывая социальный план, мы с легкостью объясняли их неосведомленностью, незнанием того, что такое социология, их «отсталостью».

Сейчас, я думаю, что это было в нас? Романтическое восприятие профессии с некоторой примесью мессианства? Молодость, не имеющая еще достаточно жизненного опыта? Интеллигентская оторванность от подлинной жизни рабочих, которыми мы как исследователи прежде всего занимались? Естественная установка доверия партийным структурам, направлявшим эту работу, и формирующим убежденность, что социальное планирование — очень важное и нужное дело? Установка, которая, конечно, была идеологически сформирована всей жизнью в советском обществе, но нами как таковая не воспринималась. Мы просто верили и все. Я никогда не была членом КПСС, видимо, не подходила по многим параметрам, да у меня не было и карьерных намерений, реализовать которые можно было только имея это членство, но я воспитана была отцом — большевиком, искренне верящим в коммунистические идеалы, и потому в те годы, семидесятые, я тоже искренне считала, что раз партия начала это дело — социальное планирование, значит это нужная и значимая вещь. Тем более, что эта работа приносила нам деньги, а значит давала возможность жить в профессии: наша лаборатория была с самых первых дней своего существования на самоокупаемости.

Вместе с тем, рассматривая себя в контексте поколения «призванного помогать», как ты это красиво сформулировал, я думаю, что, я помогала и себе, своему становлению как социолога, как профессионала. В самом деле, ни у кого из нас, работавших в составе лаборатории социологических исследований вначале Куйбышевского политехнического института, а затем и Самарского госуниверситета, не было социологического образования: его просто не было в стране. Поэтому, занимаясь исследованиями на предприятиях, занимаясь социальным планированием, мы вынуждены были самостоятельно осваивать премудрости такого сложного действия, как социологическое исследование, благо уже появилась «Человек и его работа», из которой все мы, как русская литература из гоголевской «Шинели», вышли. Мы жадно вгрызались в страницы этой книги, по ее лекалам считали индексы удовлетворенности самарских рабочих, строили бесконечные таблицы взаимосвязи признаков, переносили в свои исследования контрольные вопросы, там использованные. Понимаю, что признание в любви к этой книге сегодня уже звучит банально — столько уже сказано об этом, но есть замечательное выражение, когда-то вычитанное мной в той старой Литературке, которую я много лет выписывала: «Банальность — это просто уставшая правда». Мне кажется, это очень точно.

Каковы были твои «социологические университеты»?

Собственно, я уже начала про «мои университеты». Главный из них — самообразование. Мы учились страстно, с упоением неопитов вгрызаясь в страницы

только что вышедших первых книг по социологии. Была еще одна замечательная «сиреневая книга» - «Методика и техника статистической обработки первичной социологической информации», вышедшая в 1968 году, Главные слова этой книги: коэффициент корреляции, доверительный интервал, метод группировки, регрессионный анализ звучали для нас тогда, как музыка. Конечно, мне было легче, чем другим моим коллегам, пришедшим из филологии, журналистики, все это осваивать: за плечами все-таки был технический вуз. Но и они, я бы сказала, яростно, осваивали математические премудрости новой науки, отчетливо понимая, что по-другому просто нельзя. В те годы, помню, существовало стойкое убеждение, что без математики - никакой ты не социолог. Как мы учились? Нашей лабораторией вплоть до ее расформирования в 1989 году, когда был создан социологический факультет в Самарском университете, руководил Будимир Гвидонович Тукумцев [2], можно сказать, легенда самарской социологии. И поскольку в Политехническом у нас даже не было своего помещения, то собирались мы на квартирах, чаще всего, конечно, на квартире Будимира Гвидоновича. Милый человек, его жена Галина Григорьевна, относилась к нам очень хорошо, поила чаем, угощала всякими вкусностями. Такая келейная жизнь создавала удивительную атмосферу особой посвященности и солидарности, которая, правда, довольно часто соседствовала с яростными спорами, неизменно возникавшими при обсуждении инструмента исследования. «Рубились» мы никого не жалея и не щадя. По молодости, наверное. «Платон мне друг, но истина дороже»...

Может быть, таким отношениям мы учились у группы ленинградских социологов во главе с В.А. Ядовым, под патронажем которых мы довольно долгое время находились: нам была представлена возможность использовать в работе ленинградскую методологическую базу и приезжать в город на Неве для прохождения стажировок. В то же время куйбышевские предприятия стали контрольными объектами известного исследования «Человек и его работа- 76». Думаю, что общение с ленинградскими социологами – это еще один мой «социологический университет». Они задавали не только высокую планку содержательного обсуждения проблемы, но и создавали образцы научной коммуникации, прежде всего коммуникации как раз такого вида, когда «Платон мне друг..., но...». Приезжая к нам, они отчаянно спорили, обсуждая те или иные аспекты исследования, ругались друг с другом, а В.А.Ядов поддерживал их в этом, сам моментально ввязывался в спор. Очень точно, мне кажется, сказала об этом моя коллега И.Е. Столярова: «Все они были молодые и отчаянные, и Ядов разрешал им быть отчаянными».

Еще один мой «социологический университет» - это преподавание в так называемой Школе заводского социолога и в целом работа с заводскими социологами. Ты, наверное, помнишь, такое явление в Советском Союзе – заводская социология: по распоряжению ряда министерств на предприятиях, преимущественно успешных, создавались социологические отделы. Конечно, это была абсурдистская ситуация: социологов странане готовила, литература социологическая практически не издавалась, но социологические службы создаются. Самое парадоксальное, что в эти вновь создаваемые подразделения пришли люди: инженеры, экономисты, которым очень нравилось их новое дело, они хотели учиться и с удовольствием делали это. Кроме того, заводские социологи, своеобразные «инородцы» в производственной среде, особенно в первые годы нуждались и в нашей психологической поддержке: многие руководители не могли определить им фронт работ, не знали, что с ними вообще делать, усиливая и без того существовавшее у них чувство растерянности и беспомощности. Я, как и мои коллеги по лаборатории, стала заниматься обучением заводских социологов, их консультированием по различным аспектам социологических исследований, которые они вели на своих предприятиях. Это тьюторство было полезно и мне: все лекторы

знают, что самый лучший способ разобраться в чем-то, это прочитать лекцию. Но мне эта работа была важна и в психологическом плане: показывала значимость профессии социолога, укрепляла в правильности сделанного в пользу социологии выбора (сомнения нет-нет да и лезли в голову, что вполне объяснимо: не так легко начинать абсолютно новое и, как многие считали тогда, эфемерное, не понятно для чего нужное дело: социологические исследования). Сегодня у меня сохранились самые теплые отношения со многими из заводских социологов: после 90-х, когда рухнули практически все социологические службы предприятий, первыми приняв на себя удар неминуемых сокращений, заводских социологов можно встретить в самых разных местах: в отделах персонала предприятий, образовательных центрах, рекламных агентствах. Я думаю, что тот заряд стойкости, который они получили, работая заводскими социологами, помог им и в «эпоху перемен».

Училась я и в Институте социологии РАН, правда, та форма учебы, которая была мне по душе – аспирантура Института социологии не по моей вине не состоялась. Дело в том, что в 1978 году, я по настоянию Е.Ф.Молевича, решила поступать в заочную аспирантуру Института социологии: в очную я не могла, к сожалению, так как не могла надолго бросить свою семью, ребенка, который во мне нуждался – рос он очень болезненным, мы не вылезали из больниц. Но пресловутый «пятый пункт» и в этот раз помешал: в этот год эмигрировал из СССР В.Э. Шляпентох и «еврейский вопрос» опять обострился в Институте. Я сдала все требуемые экзамены на «отлично», но не была принята а аспирантуру со странной мотивировкой: «Мы не можем найти руководителя для вашей темы», хотя реферат, представленный мной и оцененный, кстати, тоже на «отлично», не был посвящен какой-то вычурной, супероригинальной теме. Мы все тогда работали в области социологии труда, изучали социальные проблемы отечественных предприятий: если ты помнишь, именно это отрасль социологии была в те годы мейнстримом, что объяснялось не только идеологическими причинами, но и банальными прагматическими – у предприятий были деньги на исследования. «Подобрала» меня тогда Нина Владимировна Андреевкова, которая знала меня по статьям, конференциям, предложив соискательство под ее руководством. Тем самым Нина Владимировна дала мне замечательную возможность пользоваться библиотекой Института (в Самаре практически не было социологической литературы), сдавать в Институте экзамены кандидатского минимума, общаться в секторе, который она возглавляла, обсуждать с ней те или иные содержательные проблемы моей работы. В общем, что сказать, я очень благодарна ей, думаю, что Институт социологии – тоже «мой университет».

Ты не знаешь, не помнишь, можно ли было в 70-е – 80-е найти в Самарских библиотеках дореволюционную и ранне советскую русскую социологическую литературу? Была ли Западная, американская, европейская?

Ну, насчет дореволюционной ничего не могу сказать: она нас, практикующих социологов, не очень-то интересовала. Впрочем, думаю, что скорее нет. Могу только сказать, что с книгами по социологии в конце 60-х - начале 70-х в Самаре было очень плохо, как и в стране в целом. Впрочем, понемногу, уже в конце 70- начале 80-х, когда кое-какая социологическая литература начала издаваться, она стала появляться и в нашей областной библиотеке. К счастью, тогда действовали другие правила комплектации библиотек: все, что издавалось в стране, хотя бы в одном экземпляре попадало и к нам. Так к нам попала совершенно замечательная книга английских социологов Д.Силвермена, А.Сикурела и др. «Новые направления в социальной теории» [3] в переводе Л.Иониной, изданная в 1978 году в издательстве «Прогресс», книга – фактически манифест качественного подхода. Она пролежала невостребованная в хранилище областной библиотеки (мне первой пришлось разрезать некоторые

ее страницы, поэтому узнаю это) вплоть до середины 90-х, когда в российской социологии стал проявляться интерес к качественной методологии социологического исследования. В общем, дождалась своего часа. Но западную литературу социологическую в те годы переводили очень мало, так что практически ее у нас и не было. А литературу на английском, немецком, французском мы, конечно, и в глаза не видели тогда. Честно сказать, мы и сейчас ее не видим в Самаре, да и Москве тоже: возем с охапкой из Европы, Америки, из других «городов и весей». Так из Тель-Авивского университета, на базе которого в 1999 году проходил международный социологический симпозиум, в котором я принимала участие, я привезла замечательную книгу американского социолога А.Страусса «Qualitative analysis for social scientists» («Качественный анализ для социальных ученых») [4]. В тот момент на русский еще не переводились книги по обоснованной теории А.Страусса и Глейзера, поэтому эта книга мне очень помогла при написании моего учебника «Введение в социологическое исследование: качественный и количественный подходы» [5]. Целый ряд других нужных мне социологических книг я привезла из Англии в конце 90-х, когда стажировалась в Каледонийском университете (Глазго, Шотландия). Замечательные книги по качественной социологии привезла из США моя аспирантка Оксана Запорожец, и моя дипломница Нина Козлова, вовремя, к счастью для меня, оказавшаяся в Англии по обмену. Сегодня, опять же к счастью, многое (не все, к сожалению) можно найти в Интернете. Вот так и живем.

Мы подошли к периоду, когда ты начинала работу над кандидатской диссертацией. Как для тебя проходил поиск, отбор темы, как развивалось само исследование? Были ли сложности с публикациями? Где и как проходила защита?

С кандидатской диссертацией у меня складывались непростые отношения: бы назвала их вынужденной любовью, как это ни парадоксально, «кентаврически» звучит, если использовать термин Ж.Т.Тощенко. Вынужденная, «не моя» – потому что, анализируя сегодня ту давнюю ситуацию, я понимаю, что тогда написание этого труда для меня не было внутренне мотивировано: защита диссертации в принципе ничего не прибавляла мне: ни перспектив карьерного роста, ни денег. Она даже не прибавляла и в квалификации, так как в любом случае, кандидат ты или не кандидат, дело надо было делать на самом высоком уровне – таковы были нормы, сложившиеся в нашей лаборатории, так зарабатывалось уважение коллег. И потому исследования осуществлялись (это была наша основная деятельность, как ты понимаешь), статьи писались, в конференциях разного уровня я всегда активно участвовала, и даже экзамены сдавались, и ... мне этого тогда было вполне достаточно. На вынужденность «работала» и моя житейская ситуация: у меня родилась дочь, вырваться в Москву в Институт социологии для консультаций с руководителем с двумя детьми стало много сложнее, а Интернета, как ты понимаешь, тогда, увы, не было. Хотя первое – реальное отсутствие внутренней мотивированности, («зачем она нужна, эта диссертация») я думаю, было все-таки главным. Кандидатская диссертация была для меня и любовью одновременно, потому что мне очень нравился и до сих пор нравится сам процесс социологического исследования, изучения нашей многообразной и всегда удивительной социальной жизни, если говорить высокими словами, без которого практически нет социологической диссертации (я выношу за скобки работы по теоретической социологии и истории социологии, речь сейчас не о них). Я считаю его самым увлекательным в мире процессом, в деталях планируемым и одновременно непредсказуемым, нередко «опасным приключением» и всегда непреднамеренно, как подарок, дающим «радость человеческого общения», интеллектуальным предприятием и одновременно захватывающе эмоциональным.

В общем, свою кандидатскую диссертацию я защитила много позже, в 1990 году, уже в Уфе, в Башкирском государственном университете. В ту пору, это был

конец 80-х, на волне перестройки у нас в Самарском госуниверситете открылся социологический факультет. Это была вторая волна открытий социологических факультетов в стране, первая касалась только Москвы и Санкт-Петербурга и была несколькими годами раньше, и я стала заведующей социологическим отделением исторического факультета (наш факультет тогда, в 1989, открылся в статусе отделения истфака). И в этой уже новой для меня ситуации моя кандидатская диссертация по статусным соображениям оказалась очень востребованной: руководство университета мне это очень доходчиво объяснило. Так все это и завертелось. Молевич Е.Ф. (опять Молевич), где-то на конференции встретившись с известным российским социологом, уфимским доктором наук, занимающимся проблемами социологии труда, Файзуллиным Фанилем Саитовичем, договорился о моей защите. Я быстро все привела в порядок, видимо, созрела, да и диссертация моя основывалась на данных социологических исследований за 10 лет (десять исследований на предприятиях Самарской области). Диссертация Файзуллину понравилась, и я защитилась буквально за два месяца: все организационные преграды Фаниль Саитович как-то быстро преодолел. Так я стала первым в нашем городе кандидатом социологических наук: мои коллеги по лаборатории, защитившиеся раньше, имели степень кандидата философских наук по специальности «научный коммунизм»: по этому ведомству в те предшествующие годы проходила социология. Сам факт социологической, а не философской степени для меня, конечно, не имел особого значения, но для имиджа нового факультета, наверное, имел. А диссертация моя была посвящена теме влияния социально-организационных факторов промышленного предприятия на ответственное, инициативное поведение рабочих: я уже говорила, что в этот период наша лаборатория занималась исключительно проблематикой социологии труда. Я изучала влияние социально-производственного информирования и участия рабочих в управлении на их отношение к труду. Фактически эта тема была продолжением старой идеи В.А. Ядова, касающейся отношения к труду и факторов, влияющих на него, но распространенных за пределы того, что он называл «производственной ситуацией» (содержание труда, условия труда, оплата труда и т.д.). Я до сих пор считаю, что все это значимо и очень важно, и это надо делать реально, чтобы получить ответственное отношение наемных работников к своему труду – современные западные концепции управления, о которых мы узнали много позже, фактически все «настоены» на этом.

Вообще говоря, в том как происходила твоя ранняя социализация, как ты стремилась уйти от техники, технологии и, наоборот, прислониться к филологии, культуре, можно видеть предпосылки твоего интереса к качественной социологии. А что, по твоему мнению (если такое было) сыграло решающую роль в том, что в какой-то момент ты осознала: «это - мое». Когда это произошло?

Я, конечно, не могу назвать точное время: день, час, год. Но я хорошо помню, какое ошеломляющее действие на меня произвела первая в российской социологии Ядовская статья по методам качественного анализа данных, опубликованная в 1991 [6]. Гремучая смесь впечатлений: удивление, ощущение необычности, восторг, стремление сразу же повторить этот опыт. С этим ощущением чего-то абсолютно нового, и потрясающе интересного жила несколько лет. Затем в 1994 появляется знаменитая статья уважаемых мной социологов Г. Батыгина и И. Девятко «Миф о качественной социологии» [7], с основным пафосом которой «качественная социология – это миф» я принципиально не могла согласиться. Захотелось поглубже разобраться в этом, поспорить с авторами, что-то доказать самой себе и другим – я, в общем-то, страстная спорщица, может быть, ты уже успел это заметить. Мало-помалу в российской социологии начало что-то сдвигаться: возникла, долго, и страстно продолжалась в Институте социологии так называемая Q-Q дискуссия, (Quantitative –

Qualitative sociology), стали проводиться первые исследования, первые конференции, первые круглые столы. И, хотя уровень этих обсуждений был разным, и не всегда меня устраивал, все же это была «живая» профессиональная жизнь с попыткой рефлексии того, что мы каждый день делали как исследователи. Потом стали появляться в Социсе статьи Натальи Никитичны Козловой, блестящего, на мой взгляд, философа, социолога, позже моей хорошей знакомой, не успевшей, к сожалению, стать мне другом. Ее статьи поражали глубиной и одновременно тонкостью анализа, исповедальностью автора, блестящим практически художественным языком, «редкой птицей» в традиционных исследованиях с их наукообразием, которое всегда рассматривалось как норма. Эти статьи, как потом и ее книги, ломали привычное, были «иноформатными», задавали ту самую высокую планку, к которой хотелось тянуться. Ее статьи так меня поразили, что свою монографию «Качественное социологическое исследование: познавательный и экзистенциальный горизонты», вышедшую много позже, в 2004 году, я посвятила ей. Очень жаль, что она не смогла этого увидеть.

Еще одна замечательная книга молодых (тогда) английских социологов мне попала к счастью, я уже говорила о ней: «Новые направления в социологической теории». Книга — бунт, протест, ярко, страстно и одновременно убедительно, теоретически основательно доказывающая необходимость принципиально по-другому изучать социальные явления, принципиально по-другому, нежели в классической, привычной нам социологии, понимать, что есть социальная реальность в целом. Эта книга сразила меня прежде всего новыми социальными теориями, новыми терминами и именами: феноменологическая социология, феноменологическая редукция, определение ситуации, смыслы, жизненный мир, понимание, Э. Гусерль, А. Шюц. и т.д. Ничего подобного я раньше не слышала и не знала: у меня ведь не было философского образования, где хотя бы в рамках критики буржуазных социальных теорий это изучали. Это был абсолютно новый для меня мир, не легкий для освоения, но такой притягательный. Была и еще одна причина. Читая все это, пытаюсь пробиться сквозь тяжелые для меня слова и идеи, я вдруг поняла, что работаю в одном с сыном теоретическом поле: он у меня философ, феноменолог, к этому времени успел защитить кандидатскую диссертацию, а феноменологическая социология, как известно, одно из теоретических оснований качественного подхода: из нее он черпает свое понимание социальной реальности. Эта общее теоретическое пространство как-то грело душу: я залпом прочитала его монографию, и радовалась, что многое (правда, далеко не все) смогла понять. Сын понимал мои мучения, подсовывал мне умные философские книги, многое сам старался объяснить. В общем, у нас появилась совместная жизнь-в-изучении, как сказали бы философы, жизнь, которая мне очень нравилась.

Постепенно стали появляться переводы в журналах, начали привозиться книги западных авторов. В 2000 году нам удалось в Самаре провести замечательную Летнюю школу в рамках фонда Сороса под названием: «Методологический потенциал качественной социологии и способы его использования в социологических исследованиях». В работе этой школы приняли участие в качестве лекторов, тьюторов многие российские социологи, уже «повернувшиеся» к качественной социологии, имеющие опыт первых исследований в этой традиции: Наталия Никитична Козлова, Валерий Георгиевич Виноградский, Елена Ростиславовна Ярская-Смирнова, Павел Васильевич Романов, Ирина Наумовна Тартаковская, Ольга Михайловна Маслова и т.д.

Словом, маховик принципиально иного подхода стал медленно раскручиваться в российской социологии, привлекая своей новизной, гуманитарностью и одновременно накалом страстей: разделение социологического сообщества в тот период на качественников и количественников — совсем не выдуманная штука. Мне стало страшно интересно заниматься социологией.

Похоже ты довольно скоро после появления у тебя интереса к качественным методам решила делать докторскую диссертацию по этой теме? Кто поддержал тебя именно на раннем этапе этой работы?

Никто особенно и не поддерживал. Потому что о докторской я меньше всего думала: у меня никогда не было такой цели – стать доктором наук. Просто сама собой созрела идея книги. Я так много читала разного о качественных исследованиях, и так многое из прочитанного мне не нравилось, (а что-то, напротив, восхищало), что захотелось высказаться, как-то привести в порядок свои мысли, разложить по полочкам прочитанное, по крайней мере, попытаться это сделать, обозначить нерешенные, проблемные вопросы. Все-таки, я – педагог, захотелось студентам своим, аспирантам прежде всего рассказать внятно о сложных и очень интересных вещах. Не знаю, в какой степени мне это удалось, но я старалась. Кроме того, к тому времени у меня уже накопилось много законченных исследований, в том числе выполненных и в качественной традиции: захотелось их представить в качестве демонстрации возможностей качественной методологии. И еще, я люблю спорить, отстаивать свою точку зрения, как ты уже понял. Анализируя сейчас свою тогдашнее решение – писать книгу о качественном исследовании, я думаю, что и этот мотив был. Может быть, он не был ведущим, но был точно. В общем, идея книги созрела сама собой, мне было очень интересно ее писать: она, просто захватила меня, (помнишь, наверное, эту остроумное наблюдение: «книга его так захватила, что он захватил книгу»). Я не стала мелким воришкой, да и украсть, честно говоря, было нечего. Ну а уже после книги диссертация вылепилась довольно скоро, а затем все, как положено: совет в РГГУ под руководством Ж.Т.Тощенко, защита докторской в 2005 году [8]. В общем просто тема повела за собой, дала возможность мне высказаться о том, что я считаю интересным и важным.

Даже среди тех, с кем я проводил биографическое интервью, есть наши коллеги, работающие в парадигматике качественной социологии. Назову их: А. Н. Алексеев, Ю. М. Беспалова, В. М. Воронков, Л. Г. Ионин, Е. А. Здравомыслова, В. В. Семенова [9]. Есть ли основание говорить о том, что дискуссии о месте качественных методов в российской социологии ушли в прошлое?

Думаю, что действительно сегодня накал страстей, былая острота спора как-то утихла, все более-менее улеглось. В этом смысле, наверное, можно сказать, что Q-Q дискуссия исчерпала себя: имеющий уши да слышит. Социологи разбежались по качественной и количественной нишам, и работают себе, не задевая друг друга и не вступая в полемику. Правда, время от времени этот уже давний спор вспыхивает с новой силой, но все-таки это скорее искры уже погасшего костра, старые и вечные претензии: информанты не говорят правды, качественное исследование – это «фэнтази» исследователя, ничего общего с наукой не имеющее, и т.д. Взять, например, совсем недавнюю статью В.Шляпентоха [10] о твоих и Д.Шалина интервью с советскими социологами, опубликованную в Телескопе, и мой ответ ему [11]. И опять страсти, и опять размежевание.

Я, честно говоря, думаю, что спор этот вечен, хотя сегодня он загнан вглубь и редко выходит на публичную арену. Он вечен, хотя бы потому что во-многом экзистенциален. Кому-то ближе одно определение социальной реальности, кому-то принципиально другое. Соответственно каждая из сторон по-разному видит и предмет социологии. И... ничего страшного. Полипарадагмальность социологии – совсем не выдумка, а вполне себе реальность нашей науки. Даже у меня на кафедре есть молодые социологи, которые заявляют, что занимаются только количественными исследованиями. И я уважаю этот их выбор. Есть и те, кто работает только в качественной традиции. И это тоже нормально. Нормально – методологически однозначно определяться.

Думаю, что такая ситуация складывается не только в Самарском университете. Совсем недавно я была в университете Фрайбурга: у нас с социологами этого университета совместный исследовательский проект. Наши немецкие партнеры сразу же сказали нам: работаем исключительно в классической парадигме. Вот на другой кафедре – там качественники, а мы – нет. Четко и ясно. Кстати, эти две кафедры ведут свою борьбу за студентов – немецкие студенты имеют возможность выбирать: слушать им методы классического исследования или качественного.

Сегодня набирает силу, можно сказать, даже входит в моду и так называемая «mix» методология (я ее в своей книге называю «прагматической позицией»), когда обе методологии используются в одном отдельно взятом исследовании: каждая, используя свою оптику, «работает» на свои исследовательские задачи. Правда, это не означает, что стираются принципиальные различия, полярность этих методологий. Совсем нет, все остается. Разные пространства социологии, разные «правила игры». Но возможно и сочетание разнородного.

С момента защиты докторской диссертации прошло уже много лет. В этот период ты продолжала исследования в области качественной социологии или нашла для себя новую исследовательскую нишу?

В последние годы я все больше использую «mix» технологию просто потому что ставлю такие задачи, которые невозможно изучить, используя только что-нибудь одно. Например, вот уже несколько лет подряд я занимаюсь темой, поддержанной РФФИ: «Субъективные смыслы болезни и их реализация в медицинских практиках». Эта тема – наша попытка теоретически осмыслить и эмпирически «прощупать» возможности осуществления в России новых современных медицинских практик, которые в США и Германии, получили название «нарративной медицины». Тема для России с ее бедственным положением института медицины довольно, я бы сказала, экзотичная, невероятная. Но для исследователя – это трудная и одновременно притягательная задача. Так вот, мы сначала изучили, какими смыслами хронически больные люди (а речь идет только о хронических больных) наделяют свою болезнь: выделили 16 типов таких смыслов. Это, как ты понимаешь, был качественный этап: мы взяли 50 глубинных интервью с больными Самары. А потом с помощью полужурналистского интервью опросили, используя квотную выборку, 600 хронических больных. И это уже количественный этап нашего исследования: мы получили количественную представленность этих смыслов в различных социально-демографических группах хронических больных. И многое другое.

Примерно такое же совмещение методологий использовалось мной и при изучении переживания времени как социального феномена в современной России (исследование 2008-2010 г.г.). Здесь переживание времени в соответствии с феноменологической традицией рассматривалось как наделение времени и его составляющих: прошлого, настоящего и будущего определенными смыслами.

В прошлом году мы закончили исследование совместно с немецкими коллегами из Фрайбурга, прекрасного университетского городка на юге Германии, известного своими феноменологическими традициями: в университете Фрайбурга преподавали Э. Гуссерль и его ученик М. Хайдеггер. Мы занимались темой ближней и дальней солидарности в терминологии руководителя немецкой части нашего исследования профессора Б. Блинкерта. Это было полностью количественное исследование. Мне очень понравилось, как тщательно и, я бы сказала, любовно немецкие социологи подходили к разработке инструмента, отдельных шкал, подбору индикаторов к ним, формулировке вопросов – ты ведь, знаешь, как это особенно важно в кросскультурных исследованиях. Я, занимаясь качественными исследованиями, как-то поотвыкла от такой работы. Можно сказать, это исследование вернуло меня в молодость, когда

мы все так и делали или, по крайней мере, старались делать. В общем, было очень здорово рядом с ними работать.

В последнее время мне очень интересна активистская методология, исследование типа «action research». Но пока здесь больше вопросов, чем ответов. Читаю, пытаюсь разобраться. На русском – практически ничего нет.

Уже многие годы ты являешься профессором Социологический факультет Самарского государственного университета. Пожалуйста, расскажи о факультете, кафедре, которую ты возглавляешь, и курсах, которые ты ведешь?

Да, с 1989 года, когда в Самарском госуниверситете был создан социологический факультет в рамках создания в стране социологического образования, я работаю на факультете. Четыре первых года существования нашего факультета я была его деканом, хотя формально моя должность называлась «заведующая социологическим отделением исторического факультета», затем много лет – доцентом кафедры социологии и политологии, а последнее время – уже шесть лет руковожу кафедрой методологии социологических и маркетинговых исследований. Что можно сказать о нашем факультете? Прежде всего, как мне кажется, наш факультет имеет свое собственное лицо, он не похож на многие другие социологические факультеты страны. В чем выражается эта «непохожесть»? Так получилось, что первыми преподавателями факультета стали сотрудники нашей социологической лаборатории (в 1979 году вслед за Молевичем Е.Ф. лаборатория в полном составе перешла из Политехнического в Самарский государственный университет), лаборатории, как мы сейчас говорим, первой в Самаре, первой в Поволжье. Преподавать начали исследователи с многолетним исследовательским стажем. Им (нам) не надо было учить студентов исследовательским процедурам по книжкам – тысячу раз они (мы) все это делали сами. Я бы сказала, что у нашего факультета возникло, образовалось такое вот «эмпирическое» лицо. Это означает, что эмпирическим процедурам социологии у нас уделяется особенное внимание. Так, находя всевозможные лазейки в учебном плане специальности, мы придумали так называемый Большой Социологический Практикум, когда студенты дважды на 3 и 4 курсах от начала до конца проводят социологические исследования под присмотром преподавателя – супервайзера. Дело в том, что учебный план специальности предусматривает, конечно, Лабораторные занятия по методике и технике социологического исследования, но в отрыве от конкретного исследования, и дискретно, фрагментарно. То есть, сегодня, господа студенты, займемся выборкой, завтра – измерительными процедурами, послезавтра – методом наблюдения и т. д. Целостного представления об исследовании, когда надо выбирать соответствующую методологию и методы, адекватные исследовательским задачам, собирать информацию, умно ее обрабатывать, квалифицированно писать отчет по результатам исследования, словом, представления об исследовании как сложном и увлекательном процессе студенты, конечно, при таком раскладе не получают. Вот своим «ноу-хау» – Большим Социологическим Практикумом (БСП) мы хотели ликвидировать этот пробел государственного стандарта. Нужно еще сказать, что БСП проводится не как традиционная практика во внеучебное время и, как правило, вне стен вуза. Смысл как раз в том, чтобы занятия были вставлены в расписание, проводились в аудитории, где под руководством преподавателя, что называется «из рук в руки» передавалось мастерство. Конечно, много работы по исследованию осуществляется вне стен вуза – сбор первичной информации, ее обработка, написание отчета. При этом практически параллельно в аудитории идет обсуждение сделанного, студенты получают навыки критики и одновременно навыки терпения к критике (а с терпением – всегда проблемы), учатся работать на коллективный результат, и самое главное, приобретают вкус к исследованию, им начинает нравиться этот процесс. Я очень

люблю БСП, люблю, когда «горят» глаза, жаль, в последнее время из-за перегрузки не удастся вести его. Конечно, сегодня все меньше остается на факультете тех первых преподавателей – исследователей: время делает свое дело. Но остаются их ученики: около 80% преподавателей факультета – наши выпускники. Думаю, это здорово.

Моя кафедра, созданная относительно недавно, как раз и отвечает за исследовательский потенциал наших студентов. Скажу сразу, это не очень легкая задача, хотя бы потому что научить науке, ее процедурам всех, а у нас много коммерческих студентов, в массе своей не имеющих навыков учения (школьные троечники), очень непросто. Да и мотивация подкачивает: не знают, зачем пришли, что им вообще в жизни надо. Конечно, мотивация подкачивает не только у коммерческих студентов, но таких бюджетников спасает привычка учиться, навыки учения, полученные в школе, общая эрудиция. Конечно, оговорюсь, это тенденция. Есть замечательные коммерческие студенты, но, к сожалению, единицы. Беда, я считаю, еще и в том, что исследовательские навыки, полученные на наших предметах, за редким исключением не поддерживаются при чтении курсов по отраслевым социологиям: социологии труда, социологии политики, социологии образования и т. д. Я понимаю коллег – им надо, чтобы студенты разбирались в содержательных проблемах этих дисциплин, и это, наверное, правильно. Но навыки исследования, не повторенные многократно, забываются, даже если они были достаточно хорошо сформированы, вот в чем проблема. Да и история социология в вузах подается как история идей, концепций и совершенно не затрагивается методологический аспект творчества великих. Наверное, это трудно, для этого надо быть социологом, а не историком: не секрет, что сегодня в российских вузах историю социологии чаще всего преподают историки. Но мне кажется выделение методологических граней творчества выдающихся социологов – единственный путь превращения истории социологии не в музей, не в «факультет ненужных вещей», знание которых, конечно, формирует эрудицию, но практически ничего не дает социологу-исследователю. Творчество того или иного социолога, попавшего в историю социологии, в ее анналы, сегодня может быть интересно и востребовано прежде всего как методологический подход к изучению сегодняшних социальных явлений. Повторюсь, наверное, это трудно, но все же думаю необходимо.

Ты спрашиваешь, какие курсы я читаю. Для студентов-специалистов читаю как раз основные курсы нашей кафедры: «Методы и техники социологического исследования», «Методология качественного исследования», иногда – спец курс по маркетинговым исследованиям. Для магистров читаю «Методологию социологического познания», «Проблемы современной социологии», веду с магистрами так называемый Исследовательский Семинар. Курс «Методология качественного исследования» только сейчас вошел в новый стандарт для подготовки бакалавров – страна переходит на двухзвенную систему высшего образования, ты, наверное, слышал об этом. А у нас этот курс читается уже 5 лет – опять нашли лазейку в учебном плане. Вот так и живем.

В силу специфики моих научных интересов задам два вопроса: читаются ли вашим студентам курсы по методологии изучения общественного мнения и по истории российской социологии, в том числе – современной?

Курс по методологии исследования общественного мнения, конечно, читается, – он в обязательном порядке входит в учебный план нашей дисциплины. А вот по истории российской социологии, а тем более советской – нет, к сожалению. Конечно, кусочек по истории российской дореволюционной социологии входит в общий курс, но это так, очень и очень бегло. Курс истории социологии ориентирован прежде всего на изучение западной социологии, что, наверное, и правильно: социология, как не крути, западное изобретение. Здесь другая беда: в учебном плане практически нет места современным западным социальным теориям. На мой взгляд, это очень

плохо. Только учебный план магистратуры предполагает знакомство с современными социологическими теориями. Поздновато как-то. Наши студенты, конечно, кое-что знают об этом: есть у нас увлеченные преподаватели, знатоки современной социальной теории. Но знают все-таки фрагментарно, урывками. Полноценного курса, увы, нет. И, я считаю, что это очень плохо. Вот так и живем.

Сколько студентов ежегодно заканчивает ваш факультет? Неужели все они находят работу по специальности?

В последние годы мы выпускали очень большое число социологов: порядка 80-90 человек. Большинство из них – коммерческие студенты: государство субсидирует всего одну группу – 25 человек. Это так называемые бюджетники, которые поступают к нам по итогам сдачи ЕГЭ. Коммерческие студенты поступают к нам по итогам собеседования, которое, сам понимаешь, как проводится, когда вуз нуждается в деньгах. Куда они все идут после окончания нашего факультета? Конечно, собственно по специальности, устраивается небольшая часть, хотя как понимать это устройство по специальности. Небольшая часть востребована Центрами по изучению общественного мнения, маркетинговыми агентствами - их в Самаре немного. Востребованы наши студенты маркетинговыми отделами различных фирм: там за нашими студентами охотятся, приходят на защиту дипломов, охотно берут на практику с дальним прицелом и т.д. Почему это так? Просто наши студенты знают не только практический маркетинг, это знают студенты любых экономических вузов, специализирующихся на маркетинге. Социологи умеют проводить маркетинговые исследования, что сегодня становится все больше и больше востребованным: худо-бедно, но рыночные отношения в России пробивают себе дорожку в экономике. Какая-то часть выпускников устраивается в качестве бизнес-аналитиков, прежде всего те, кто хорошо владеет навыками компьютерной обработки и анализа данных. То есть, сегодня в большей степени востребована такая практически ориентированная социология и социологи, владеющие навыками проведения маркетинговых исследований, компьютерной обработки любых данных. Значительная часть выпускников уходит в смежные специальности: в менеджеры всех мастей, в сферу управления персоналом на предприятиях, в рекрутинговые фирмы, которых тоже у нас в Самаре становится достаточно много. Очень небольшая часть студентов идет в некоммерческие общественные организации, реализуют различные социальные проекты. Единицы, лучшие, идут в аспирантуру. Кстати сказать, у нас в последние годы спрос на аспирантуру растет, а число государственных (бесплатных) мест резко сокращается: по многим гуманитарным специальностям таких мест нет вообще, по крайней мере, у нас в университете. Социология, хотя и в усеченном варианте, пока еще держится - так странно наша власть реализует заявленный курс страны на технические инновации. Печальные последствия этой недальновидной политики, на мой взгляд, не за горами. Вот такие дела.

Заканчивая нашу беседу, попрошу тебя, если это возможно, обозначить положительные и негативные тренды в российской социологии, наблюдаемые, ощущаемые тобой в последние годы.

Попробую начать с негативных. Несколько лет назад в российской социологии активно и заинтересованно обсуждался проект публичной социологии, - тема, брошенная Майклом Буравым. Публичность здесь понимается в самом широком смысле: это и «работа» не только на коллег по цеху, но и на «человека с улицы» по выражению А.Шюца, когда социология пытается помочь такому человеку ориентироваться в сложном и запутанном современном социальном мире, в определенной мере отнимая хлеб у не вылезавших с экрана журналистов, экономистов, политологов и прочих экспертов. Это и формирование «повестки дня»,

когда темы для публичного обсуждения инициируются, вбрасываются в публичное пространство, конструируются социологами. Это и участие социологов в публичных акциях. Но... воз и ныне там: на публичных площадках России социологов не видно. Мы практически не пишем в газеты, не выступаем на экранах. Исключение составляют лишь социологи Левада-Центра, (я имею в виду Б.Дубина, Л.Гудкова, А.Левинсона), блестящие статьи которых время от времени появляются на страницах Новой Газеты. Да и в современных российских акциях протеста социологи не «засветились» ни как публичные аналитики, ни как лидеры. Не хочу бросать камни в коллег, сама принадлежу, как ты понимаешь, к этому сообществу. Понимаю, что публичное пространство России в последние годы практически зачищено, и допуска туда нет, и все же... Много думаю об этом, пыталась задавать этот вопрос: «Почему на публичных аренах нет социологов?» коллегам на социологических тусовках. Получала разные ответы вроде: «социолог – зависимый человек, ему нельзя»; «просто пока не нашелся такой человек»; «не хватает талантливых людей среди социологов»; «а зачем», и т.д. В общем, внятного ответа на этот вопрос у меня пока так и нет.

Еще один, на мой взгляд, не очень веселый тренд, хотя он и касается не самой социологии, а скорее ее бытования в российском социуме. Тренд в определенной степени закономерный. Российские социологи все больше востребованы в отечестве как прикладники, как специалисты в области маркетинговых исследований, нежели как собственно социологи, теоретики, аналитики, и даже исследователи общественного мнения. Ну, с последней ролью все понятно: общественное мнение сегодня мало волнует власти разных уровней, как, впрочем, никогда по большому счету и не волновало. Ничего плохого я не вижу и в увеличении спроса на маркетинговые исследования: не отношу себя к тем знакомым мне социологам-ученым, которые презрительно называют их «колбасными» или «макаронными» исследованиями в зависимости от своих вкусовых предпочтений. Плохое – в другом: студенты-социологи, как мне кажется, все больше ассоциируют профессию социолога с деятельностью маркетолога-аналитика, не утруждая себя интересом к социологической теории, к исследованию собственно социальных проблем, которым несть числа в российском обществе. Но тогда кто же ими будет заниматься? Понятно, что это вопрос очень сложный, в котором многое сплетается: и отсутствующий запрос власти на изучение этих самых социальных проблем, и понятное стремление молодых людей обеспечить себе и своей семье приемлемый уровень жизни, и отсутствие (или, может быть, нехватка) социологов-преподавателей, способных «захватить», увлечь студентов своим собственным интересом к социальной теории или к исследованию той или иной социальной проблемы. Сюда же, в этот клубок причин можно добавить и низкий уровень гражданского самосознания студентов – социологов, их аполитичность: как показывают мои наблюдения, студенты – социологи, по крайней мере, нашего вуза, в массе своей практически не интересуются теми общественными процессами, которые происходят в стране, в их городе. В лучшем случае, они просто учатся, многие, совмещая это с работой, в худшем – и этого не делают. Т. е. преобладает такой, я бы сказала, прагматически-инструментальный подход у тех, повторяюсь, кто все-таки учится. Наверное, это скорее плохо, чем хорошо, если воспользоваться нашим любимым клише. В этом случае, подготовка социолога, практически ничем не отличается от подготовки любого инженера. Хотя должна отличаться принципиально: социолог, все-таки, человек – не равнодушный к тому что происходит вокруг, он, не побоюсь пафоса, все-таки должен осознавать свою миссию, свои возможности влияния на осознание людьми тех или иных социальных проблем, а может быть, и на их решение.

Еще один тренд, на мой взгляд, связан с ослаблением интереса к методологии социологического исследования, к рефлексии по поводу методов. Посмотри ведущие

наши социологические журналы: почти нет статей об этом. Но самое страшное, пожалуй, даже не в этом. Беда в том, что в практике социологических исследований вот этой методической стороне уделяется все меньшее и меньшее внимание, инструмент делается по большей части по принципу «тяп-ляп», «быстрее-быстрее». Я думаю, что это размывание методических принципов, небрежное отношение к инструменту идет отчасти из индустрии маркетинговых исследований, в которую в период острой потребности в них, а это период середины-конца 90-х (в столице раньше, в регионах позже) за редким исключением пришли непрофессионалы: вузы только-только начинали готовить социологов. Я вижу, как многие маркетинговые исследования, в которых на правах интервьюеров участвуют наши студенты, просто ломают их представления о методических правилах разработки инструмента (анкеты, бланка формализованного интервью), которые мы пытаемся им внушить, идут вразрез с ними. И дело не в том, что «живое» исследование всегда отличается от методически правильного. Просто, и ты это знаешь хорошо, несоблюдение основных методических идей, тысячу раз доказанных и проверенных в экспериментах, всегда чревато снижением качества полученного результата. Известно ведь, что бог знает как спросил, и бог знает что получил. Какая уж тут достоверность, какая правда... Я уже говорила, кажется, что в этом плане мне очень понравилось работать с социологами из Фрайбурга: как трепетно, я бы сказала, они отработывали формулировки вопросов, композицию анкеты, постоянно пилотировали, исправляли.

Косвенное влияние на эту ситуацию оказывает и, на мой взгляд, распространение качественных исследований в российской социологии. Известно ведь, что качественные интервью, мягкие, гибкие - глубинное, фокус-групповое, я уж не говорю о нарративном, где исследователя вообще мало, не требуют такой отработки формулировок вопросов, жесткой композиции, переходов, фильтров и много чего еще, что напридумывала классическая традиция социологического исследования в безуспешной погоне за достоверностью своих выводов. Привыкая не думать об этом в качественных исследованиях, социологи часто не делают этого и в классических.

Но хватит негатива. Думаю, есть и положительные тренды. Главное все-таки в том, что конкурсы на социологические факультеты страны продолжают оставаться высокими, и в наших аудиториях встречаются «девушки с горящими глазами» (увы, юношей значительно меньше), с огромным желанием учиться, умные, думающие, задающие вопросы, и ...это самое важное и вдохновляющее.

Библиографический список

1. Готлиб А.С. Качественное социологическое исследование: познавательные и экзистенциальные горизонты. Самара: Изд-во «Универс-групп». 2004.
2. Тукумцев Б.Г.: «То, что я оказался в социологии, связано со счастливой случайностью и с моим интересом к проблемам управления» // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2009. № 5. С. 11-23 <http://www.teleskop-journal.spb.ru/files/dir_1/article_content129750447925769file.pdf>.
3. Новые направления в социологической теории. М: Прогресс, 1978.
4. Strauss A. Qualitative analysis for social scientists. Cambridge: University Press, 1989.
5. Готлиб А. С. Введение в социологическое исследование: качественный и количественный подходы. Самара: Самарский университет, 2002.
6. Ядов В. А. Стратегия и методы качественного анализа данных // Социология: 4М. 1991. № 1. С. 14–31.
7. Батыгин Г.С., Девятко И.Ф. Миф о «качественной социологии» // Социологический

журнал. 1994. № 2. С. 28-42.

8. Готлиб А.С. Качественная методология социологического исследования: исследовательские стратегии, экзистенциальный потенциал. Автореферат на соискание ученой степени доктора социологических наук. М, 2005.

9. Докторов Б. Современная российская социология: Историко-биографические поиски. [Электронное издание]. Том 2. М.: ЦСПиМ. 2012. <http://www.socioprognoz.ru/files/el/hta_CD/htm/menu.htm>.

10. Шляпентох В. Можно ли бестрепетно доверять автобиографиям видных людей и даже массовым опросаам // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2011. № 4. С. 25-27.

11. Готлиб А. Качественная методология, исторический нарратив или можно ли написать историю советской социологии с «человеческим лицом» // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2012. № 1. С. 13-16.